

Аркадий Гайдар

Горячий камень

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Аркадий Гайдар

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

СКАЗКА И БЫЛЬ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

Г 14
Р 2

Рисунки Л. Селизарова

Фотоработы А. Короля

4803010102—152
Г ——————————227—82
М101(03)—82

СКАЗКА

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролёг кривой, рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что ещё хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клок от штанины, а по красным щекам текли слёзы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но

тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! — это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписи глину.

И вот он прочёл такую надпись:

«Кто снесёт этот камень на гору и там разобьёт его на части, тот вернёт свою молодость и начнёт жить сначала».

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было бы из первого класса перескакивать сразу в третий, — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и отдыхая, нёс ведро извёстки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: «Вот идёт человек, который

очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжко».

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые очень просто могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придёт туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

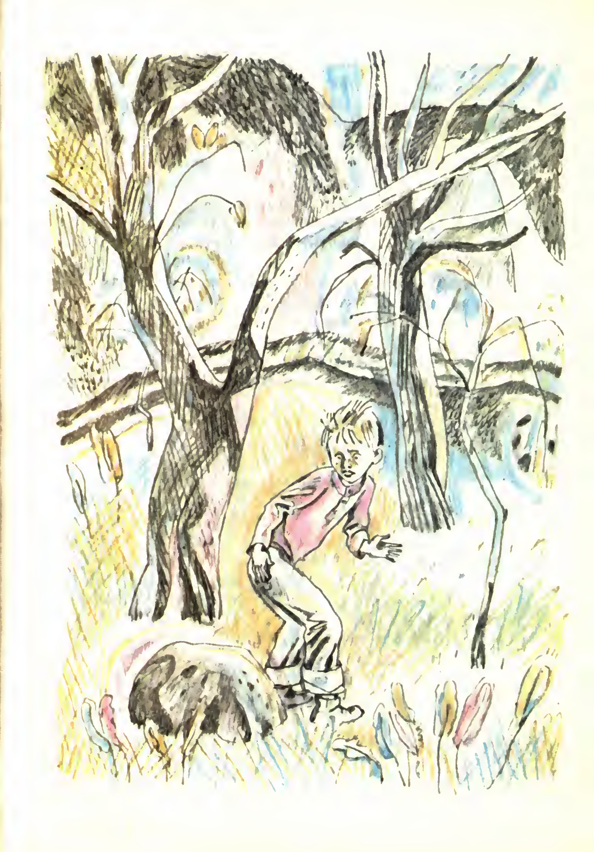
Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

«Вот, — думал он, — теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнёт жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это — когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофёр подвёз его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это — когда весною голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит», — великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивлённый Ивашка. — Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка, — отвечал старик, — я не надеюсь разбить его рукою. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, — говорил старик Ивашке. — А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, но это тогда, когда мы ещё неумело валили заборы и строили баррикады, поднимая восстание против царя, которого ты видел только на картине.

Шашкой в бою мне рассекли лицо, но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую, вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает.

Но, очнувшись, вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, какая она сейчас, — могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье? И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка. — Но раз так, то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте.

— Пусть лежит на виду, — сказал старик, — и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть, плохое настроение. «А что,— думаю, — стукну я по камню и начну жить сначала»!

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

«Э-э! — думаю, — скажут, увидав меня помолодевшим, соседи: «Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную цигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошёл прочь — своей дорогой.

1941 г.

СКАЗКА И БЫЛЬ

Дорогой юный друг!

Ты начинаешь знакомство с замечательным советским писателем Аркадием Петровичем Гайдаром.

Встреча с его книгами — «Тимур и его команда», «Военная тайна», «Судьба барабанщика» и другими у тебя впереди. На всю жизнь запомнишь ты Альку, Жигана, Мальчиша-Кибальчиша, Тимура.

«Горячий камень» — это последнее произведение для детей, которое успел опубликовать Гайдар за два месяца до гибели. Сказка эта — как бы прощальный завет детям — жить честно и смело — так, чтобы никогда не захотелось начинать жить сначала.

Гайдар погиб в 1941 году, сражаясь с фашистами. Шла тогда Великая Отечественная война.

Есть в «Горячем камне» один секрет, военная тайна. Написал Гайдар эту сказку... про себя. Про свою жизнь.

Гайдар был не только большим настоящим писателем. Он был замечательным Человеком.

Четырнадцати с половиной лет он командовал 6-й ротой 2-го ударного полка. Потом воевал на Петлюровском, Польском, Кавказском, внутреннем фронтах, воевал на Антоновщине, близ границ Монголии. Сражался вместе с Красной Армией против белогвардейцев, кулаков-бандитов, врагов Советской власти.

Вдоль и поперёк изъездил он нашу страну, много видел и обо всём хотелось ему рассказать детям. И когда в 20 лет он демобилизовался — стал писать книги. И писательскому своему делу он был так же беззаветно предан, как Красной Армии.

В мирные дни Гайдар тоже был солдатом. Работал корреспондентом в разных газетах, в разных городах. Оружием

его стало перо. В фельетонах он беспощадно высмеивал бездельников, обманщиков, равнодушных, чёрствых людей — всех тех, кому надо было бы немедленно начинать жизнь сначала.

Когда грянула война, Гайдар ушёл на фронт добровольцем. И опять стал солдатом, чтобы фашистский паучий знак не поганил наших стен, наших домов и вражеский сапог не затоптал и пяди нашей земли.

Он всегда был настоящим командиром. Для взрослых и для детей. Он знал, как применять военную хитрость, ходить в разведку, как стать выносливым и сильным. Как сберечь силы в трудном походе. Как вовремя прийти на помощь. И ещё он знал главное: кого любить и кого ненавидеть.

Теперь Гайдар станет командиром и для тебя.

После «Горячего камня», сказки, дальше в этой книге ты прочтёшь быль: три разных произведения, рассказывающих о жизни писателя. Первое — «Обыкновенная биография в необыкновенное время». Это документ, в котором Гайдар указал основные факты своей необычайной жизни. Второе — отрывок из художественного произведения «Обыкновенная биография». Это продолжение повести «Школа», где он рассказывает о себе, только главного героя называет Борисом. Третье — один из последних репортажей Гайдара с фронта «У переправы».

Когда грянула война, он стал военным корреспондентом «Комсомольской правды». В своих репортажах и очерках он рассказывал правду о злодействах гитлеровцев, о подвигах наших славных бойцов. И его заметки, опубликованные в «Комсомольской правде», придавали сил тем, кто в это время был на передовой или в тылу стоял у станка, вселяли веру в победу.

И когда ты прочтёшь эту книгу, ты поймёшь, про кого сказал Старик из сказки «Горячий камень», обращаясь к Ивашке: «И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!»

БЫЛЬ

Аркадий Голиков. 1919 год.

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ В НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ

Мне было десять лет, когда грохнула мировая империалистическая война.

Отца с первых же дней забрали в солдаты.

Помню: забежал он к нам ночью в серой шинели. Поцеловал и ушёл. Бабка зажгла зелёную лампадку, и мы — трое ребятишек, — стоя на коленях, крепко молились. О чём — не помню.

Мать была фельдшерицей. Я только что поступил в первый класс реального училища. Через месяц я сбежал пешком к отцу на фронт.

На фронт я, конечно, не попал и был задержан на станции Кудьма, в 90 верстах от своего города.

Когда меня, усталого и голодного, задержали, то я и сам был рад, потому что на фронт мне уже не хотелось, а сильно хотелось домой, но самому вернуться было стыдно.

Я рос в городке Арзамасе. Там громко гудели колокола тридцати церквей, но не было слышно заводских гудков.

Заводов там не было. Зато стояли четыре монастыря, и через город всегда тянулись вереницы божьих странников и странниц в знаменитую Саровскую пустынь.

Учился я неплохо. Слаб был только по чистописанию да по рисованию. В этих науках что-то слабоват я и до сих пор.

Когда взметнулись красные флаги Февральской революции, то и в таком захудалом городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди.

Пристал я к ним случайно, скорее, из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. Не боялись ни торжественной церковной анафемы, то есть проклятия, которой при громе всех колоколов передавали их епископы Олег и Варнава. Не смущали их

Аркадий Голиков с матерью, бабушкой и сестрами. 1914 год.

Отец и мать А. Гайдара — Петр Исидорович
и Наталья Аркадьевна Голиковы.

озлобленные крики всех этих мясников, лабазников, монахов и престарелых кротких инокинь, которые, покинув свои кельи, со злобой шатались по митингам и собраниям.

Позже я понял, что это за люди. Это были большевики.

Но что такое большевик по-настоящему понял я только намного позже.

Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто бы не дурак и всегда верчусь около.

Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то.

Аркадий Голиков. 1919 год. На обороте снимка в 1927 году рукой Гайдара написано: «Адъютант командующего охраны и обороны всех железных дорог. Гайдар. 15 лет».

27 авг 1918

В комитет партии
Коммунистов

Прошу принять меня
в Арзамасскую органи
зацию Р.К.П.

Ручаются за меня
тов. Гоппиус

Голиков Вольнов

Заявление А. Голикова о приеме в партию.

А я бегал, относил, вызывал, а сам всё слушал и слушал. И кто такие большевики, мне становилось всё понятней и понятней, особенно после того, как побывал я с ними на митингах в бараках у беженцев, в лазаретах, в деревнях и у деповских рабочих.

Но самое большое доверие мне было оказано тогда, когда в октябре 1917 года разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрульных третьим — для связи.

Я ушёл в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было ещё 14 лет.

Я был рослым, крепким мальчишкой, и вскоре после некоторых колебаний меня приняли на 6-е киевские курсы красных командиров.

В конце концов вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал 6-й ротой 2-го полка бригады курсантов на петлюровском фронте. А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом, — это на антоновщине.

Вышел я из армии в декабре 1924 года, потому что заболел.

Когда меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время.

Потом я стал писать. Сначала я написал повесть «В дни поражений и побед». Когда я показал её писателю Федину, то он сказал мне: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Тогда я стал учиться. Учили меня: Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно много Сергей Семёнов, который буквально строчка по строчке разбирал вместе со мною всё написанное, объяснял, критиковал и помогал.

Лучшими своими книгами я считаю: «Р.В.С.», «Дальние страны», «Четвёртый блиндаж» и «Школу». В «Школе» очень много написано о том, как Борис Гориков, такой же,

А. Гайдар. 1936 год.

как я, мальчишка, попал на фронт и что он там видел, что он там делал и чему научился.

Худшая моя книга — это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная.

А. Гайдар в бытность его сотрудником архангельской газеты «Волна». 1929 год.

А писать надо только искренно, потому что, сколько ни подлаживайся, ни манерничай, умный читатель всегда угадает и не поверит.

В журнале «Пионер» печататься начал я недавно. Это, конечно, моя ошибка.

Нужно было начать раньше. Журнал весёлый, боевой, с крепким читательским активом. По высказываниям ребят, по письмам в редакцию очень и очень полезно бывает проверять свою работу.

Как-то подошёл ко мне один мальчуган и говорит:

АРКАДИЙ ГОЛИКОВ УЧ4К

ТОВАРИЩЪ

КАЛЕНДАРЬ

для

УЧАЩИХСЯ

НА 1917—1918 уч. г.

Воспитанника Арзамасского Реал. училища Аркадия Голикова

Адрес Новоплотинная ул. д. № 35

Если кто найдет прошу

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

по адресу

Изданіе Т-ва ОТТО КИРХНЕРЪ, Петроградъ.

ЧТО СЛѢДУЕТЪ ПРОЧЕСТЬ

Заглавіе	Почему слѣдуетъ, и кто совѣтуетъ
Обрыв	
Писарева	
Анна Каренина	
Анна Каренина	
Король Лир	
Шекспир	
	критический очерк пугачевского периода
Бокль	История цивилизации в Англии.

Автограф записи Аркадия Голикова в календаре «Товарищ» в 1917 году.

Здание Арзамасского училища, где учился Аркадий Голиков с 1914 по 1918 год. Фотография 1951 года.

Аркадий Голиков — комбат ЧОН. 1922 год

— Вот у вас в «Пионере» печатается повесть «Синие звёзды», а мне не нравится.

— Что же, — спрашиваю я, — тебе там не нравится?

— А то не нравится, что прочёл я первый номер журнала, а что дальше с Кирюшкой будет — этого я не знаю.

— А хочется узнать?

— Очень, — откровенно сознался он. — Вот всё хожу

«Гайдар» в переводе на русский значит
«всадник, скачущий впереди».

и думаю, что же такое дальше будет? Хоть бы скорее второй номер выходил.

Улыбнулся я тогда и думаю: «Ну, это ещё не беда, если тебе так не нравится».

Устроила редакция «Пионера» мой творческий вечер, — тоже было неплохо, и услышал я для себя немало важного и полезного.

Сейчас я работаю над повестью, которая называется

«Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смычке, о пионерских отрядах и ещё много о чём другом.

И наконец вы уже читаете в «Пионере» последнюю мою вещь, это «Синие звёзды». Прочтёте, пишите, как понравилась.

Что буду писать дальше — пока не знаю. Но во всяком случае постараюсь написать такую повесть, чтобы не стыдно было прочесть её и в том прекрасном будущем, что зовётся социализмом, в котором надеюсь долго прожить и я, а вы-то, ребята, проживёте и подавно.

1934 г.

А. Гайдар. 1940 год.

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Часть 1

В Воронежском военном госпитале я пролежал три недели. Рана ещё не совсем зажила, но за последние дни прибывало много шахтёров с линии Миллерово—Луганск—Дебальцево. Мест не хватало.

Мне выдали пару белых грубых новых костылей, отпускной билет и проездной литер на родину.

Я надел новую гимнастёрку, брюки, шинель, полученные взамен прежних — рваных и запачканных кровью, — и подошёл к позолоченному полинялому зеркалу.

Я увидел высокого, крепкого мальчугана в серой солдатской папахе, самого себя с обветренным, похудевшим лицом и серьёзными, но всё равно весёлыми глазами.

Полтора года прошло с тех пор, как, испугавшись, убежал я из нашего города Арзамаса.

С тех пор прошло многое. Октябрь. Боевая дружина сормовских рабочих, Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, приём в партию, пуля под Новохоперском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как лёгкое волнение слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову.

Тогда я подпоясался. Сунул за пояс тот самый, давнишний маузер, из-за которого было столько беды в школьные годы, и, притопывая белыми, свежими костылями, пошёл потихоньку на вокзал. Там спросил я у коменданта, когда идёт первый поезд на Москву.

Охрипший суровый комендант грубо ответил мне, что на Москву сегодня поезда нет, но к вечеру пройдёт на Восточный фронт санитарный порожняк, который довезёт меня до самого Арзамаса.

А. Гайдар с пионерами. 1939 год.

И ещё сердитый комендант дал мне записку на продпункт, чтобы выдали мне хлеб, сахар, селёдку и махорку в двойном размере — как отпускнику-раненому.

Хлеб, сахар и селёдку я положил в вещевой мешок, а махорку отдал на вокзале одному товарищу, который был ещё раньше ранен и теперь опять возвращался на фронт.

Около года я не получал писем от матери. Сам я написал ей за это время два или три коротеньких письма, но адреса своего ей сообщить не мог, потому что в то время полевых почтовых контор ещё не было, да если бы и были, то и это не помогло бы, потому что орудовал наш маленький отряд больше по тылам — сначала у немцев, потом у гайдамаков и у белых.

А из госпиталя, из Воронежа, я не писал нарочно —

А. Гайдар с сыном Тимуром. 1939 год.

чувствовал, что мать, узнав о моей ране, только без толку расплачется и разволнуется.

* * *

...Я, с опаской посмотрев на окна нашей квартиры, зашагал во двор, радуясь тому, что окна заледенели и через них ничего не видать.

Стараясь не стучать, я поднялся по лестнице, осторожно отставил костыли в угол за шкаф и постучал в дверь.

За дверями послышался мелкий топот, и по пыхтенью я понял, что это Танюша тужится, открывая крючок двери.

— Мама дома? — спросил я у не узнавшей меня сестрёнки.

— Нет! — ответила она, и испуганные глаза её блеснули слезёнками.

— А-ах... не-ет! — весело закричал я, подхватывая костыли и вваливаясь в комнату. — А-ах... нет! А ты без мамы и узнать меня не хочешь!..

Я сбросил сумку, шинель и, усевшись на кровати, обнял не совсем ещё оправившуюся от испуга девчурку.

— Господи, Борька!.. Ну, Борька!.. Ну, какой ты ужасный солдат! Ну, как папа был солдат, так и ты солдат... — стрекотала Танюшка. И, целуя меня, она добавила протяжно и укоризненно: — Бо-о-рька! Борька! И что ты как давно не писал, а уже мама думала, думала. И я тоже думала, думала. Да вот! Когда она сейчас с базара придёт — всё сама расскажет.

Я оглянулся. Всё стояло на старом месте... и шкаф, и кровать, и старый треногий диван. Я посмотрел на стену — там было новое.

Прямо со стены глядел на меня большой портрет отца — в такой же, как у меня, серой папахе и в такой же шинели, и был тот портрет обведён траурной каймою из красной и чёрной материи.

— Это тебя на войне убили? — спросила Танюшка, осторожно дотрагиваясь пальцем до костыля.

— На войне!—рассмеялся я и сунул костыли под кровать.

— А у нас, Борька, горе какое! Ну какое горе! Такое горе! — И сестра грустно посмотрела на меня.

— Какое еще горе? — встревоженно спросил я, пододвигая её к себе.

— А такое горе, что Лизочка уже умерла!

— Какая ещё Лизочка? — спросил я, вспоминая и перебирая в памяти всю весёлую ораву моих двоюродных сестричек, живших в деревне неподалёку от Арзамаса.

— Как — какая? — И Танюшка подняла на меня печальные и изумлённые глаза. — А наша-то Лизка — кошка такая. Помнишь? Да она-то ещё один раз с печки спрыгнула — и молоко опрокинула. Ну, вспомнил теперь?..

— Вспомнил, Танюша!

Пришла мать. Распахнув дверь, она остановилась. Вни-

А. Гайдар. 1941 год.

мательно посмотрела на меня. Поставила на пол корзину и, подойдя, крепко обняла меня. Сбросила платок, холодными от мороза руками взяла мою голову, посмотрела мне в лицо и сказала дрогнувшим голосом:

— Похудел. Побледнел. А вырос-то, а вырос-то! Да встань ты с кровати! Дай я на тебя посмотрю.

— Мне, мама, неохота с кровати вставать, — отказался я. — Я бы, пожалуй... да у меня нога немного побаливает.

— Отчего побаливает? — И мать подозрительно посмотрела вокруг. — То-то я слышу, что йодоформом пахнет.

— А оттого побаливает, что ещё не зажила. То есть уже зажила, да ещё не совсем.

— Он с палками пришёл, — вмешалась Танюшка, вытягивая из-под кровати костыли. — Как пришёл, так под кровать их спрятал, а сам сидит!

— Ранен? — тихо спросила мать.

— Немножко, — ответил я. — Да ты не думай ничего, мама, всё прошло...

Мать провела рукой по моей бритой голове, и с минуту мы просидели молча. Потом она быстро встала, сдёрнула пальто и бросилась на кухню:

— Бог мой! Да ты, должно быть, голодный!.. Танюшка, беги скорей в сарай — тащи уголь! Сейчас самовар поставлю. И куда это я спички сунула?.. Борис, у тебя есть спички?.. Не куришь? Так, ну и хорошо! Да вот они!.. Ты бы сапоги снял и лёг. Дай я тебя разую...

Вскоре зашипел самовар. Запахло с кухни чем-то вкусным. Входила и выходила из комнаты раскрасневшаяся у плиты мать. Ровно тикали стенные часы да колотила метелица в узорчатые морозные окна.

Лёгкая дрёма охватила меня. Было тепло и мягко на старой кровати, укрытой знакомым стёганым одеялом. И вдруг показалось мне, что ничего не было — ни фронта, ни широких, далёких степей, ни отряда, ни боёв. Будто бы всё то же, что и раньше. Вот она, настенная полка с учебниками. Вот в углу древняя картина, изображающая вечер, закат, счастливых жнецов, возвращающихся с поля. Через открытую дверь виднеется кипящий самовар на клеёнчатом столе — такой же неуклюжий, с конфоркой, похожей на старую шляпу, сбившуюся набок.

Я полузакрываю глаза...

В углу возится Танюшка, напевая древнюю баюкающую песенку—ту самую, которую я слышал от матери ещё в глубоком детстве:

На горе, го-о-оре
Петухи поют.
Под горой, горой
Озерцо с водой.
Как вода, вода
Всколыхнулася,
А мне, девице,
Да взгрустнулося.

И мне уже совсем начинает казаться, что ничего не было, что всё по-старому, по-школьному, по-давешнему.

— Борис! — кричит мне мать. — И соседей кликать?.. Бория, тебе чай в кровать дать? Или ты сюда придёшь?

Я вздрагиваю, и опять я вижу через смеженные веки свою шинель, папаху на вешалке и как тащат и ставят костыли у моего изголовья.

Так — всё было.

1930 г.

А. Гайдар на фронте. 1941 год.

У ПЕРЕПРАВЫ

Наш батальон вступал в село.

Пыль походных колонн, песок, размётанный взрывами снарядов, пепел сожжённых немцами хат густым налётом покрывали шершавые листья кукурузы и спелые несобранные вишни.

Застигнутая врасплох немецкая батарея второпях ударила с пригорка по головной заставе зажигательными снарядами.

Огненные змеи с шипением пронеслись мимо. И тотчас же бледным, прозрачным на солнце пламенем вспыхнула соломенная кровля пустого колхозного сарая.

Прежде чем броситься на землю, секретарь полкового комсомола Цолак Купалян на одно-другое мгновение оглянулся: всё ли перед боем идёт своим установленным чередом и где сейчас находится комбат?

Командир батальона старший лейтенант Прудников был рядом, за углом хаты. Соскочив с коня и бросив поводья ординарцу, он уже приказывал четвёртой роте броском занять боевой рубеж, пятой — поддерживать огнём четвёртую, а шестой — усилить свой фланг и держаться к локтю пятой.

Дальше следовали приказы разведчикам, пулемётчикам, миномётчикам, взводам связи, связным от артиллерии.

И вот пошла четвёртая, пошла пятая.

Всё пошло — вернее, поползло по пшенице, по гречихе, головой в песок, лицом по траве, по земле, по сырому торфяному болоту.

Грохот усиливается.

наши войска сражаются хорошо.
бои, как ты сама читаешь, идут
упорнейшие, настроение у войск
и у народа твердое.

Строчки из письма А. Гайдара жене.

Пень, служивший Гайдару скамьёй.

Дом партизанской семьи Степанцов, в котором часто бывал А. Гайдар.

Место гибели Гайдара.

Бьют вражеские миномёты. Горят хаты. Людей не видно. И поэтому сначала кажется, что среди этого разноголосого визга и грома никакого осмысленного порядка нет и быть не может.

Но вскоре оказывается, что свой незримый железный порядок у этого боя есть.

Вот в лощине спешно складывают свой тяжёлый груз и открывают огонь миномётчики.

С холма по картофельному полю, кубарем перекатываясь с боку на бок, тянет телефонный провод комсомолец Сергиенко. Радист ставит под густым орешником маленькую, похожую на ежа станцию.

Вдруг — ба-бах! — не туда поставил. Обжёгся, поёжился, перетащил ящик в канаву, нацепил наушники и что-то там накручивает, настраивает.

Четвёртая рота врывается на рубеж. Вот крайняя хата. Три минуты назад здесь был враг. Он убежал. В панике, в спешке. Ещё и сейчас внизу, меж кустами, перебегают вражеские солдаты. Один, два, три... пятнадцать... сорок! Стоп! Уже не сорок...

Взмокший пулемётчик с ходу рванул пулемёт, нажал на спуск «максима», и счёт разом изменился.

Хата. Сброшены на пол подушки, перины. Здесь они спали.

Стол. На столе тарелки, ложки, опрокинутая крынка молока. Здесь они жрали.

Настежь открытый сундук, скомканное бельё. Вышитое петушками полотенце. Детский валенок. Здесь они грабили.

Над сундуком в полстены жирным углем начерчен паучий фашистский знак.

Стены мирной хаты дрожат от взрывов, от горя и гнева. Бой продолжается. По пшенице быстро шагает чем-то взволнованный начальник штаба батальона Шульгин.

Вдруг он приседает. Потом поднимается, недоуменно смотрит на свою ногу. Нога цела, но голенище сапога срезано осколком. Он спрашивает:

— Где комбат? Прудникова не видали? Он сейчас был там.

«Там», за пригорком, где только что был командный пункт, миною взорван сарай, он раскидан и горит, поджигая вокруг колосья густой пшеницы.

На лице начальника штаба тревога за своего комбата. Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии.

Это он, когда, надрывая душу, надсадно, угрожающе, запугивающе запели, заныли немецкие трубы, пугая атаками, на вопрос командира полка по телефону: «Что это такое?» — сжав чуть оттопыренные губы, с усмешкой ответил:

— Всё в порядке, товарищ командир. Начинается музыка. Сейчас и я впишу пулемётами свою гамму.

С биноклем через шею, с простым пистолетом «ТТ» в кобуре внезапно возникает из-за дыма целый и невредимый комбат.

Ему рады. На вопросы о себе он не отвечает и приказывает:

— Переходим на оборону. Здесь у врага большие силы. Дайте мне связь с артиллерией. Всем командирам рот прочно окопаться.

По торфяному полю опять тянет провод Сергиенко. Вот он упал, но не ранен. Он устал. Он уткнулся лицом в мокрый торф и тяжело дышит. Вот он поворачивает голову и видит, что совсем рядом перед ним, перед его губами — воронка от взрыва мины и, как на дне блюдечка, скопилось в ней немного воды. Он наклоняет голову, пьёт жадно, потом поднимает покрытое бурым торфом лицо и ползёт с катушкой дальше.

Через несколько минут связь с полком налажена. Поступает приказание:

«Немедленно переходите...»

И вдруг приказ обрывается. Комбат сурово смотрит на Купаляна: куда переходить?

На этом фронте, слева и впереди нас, ведётся бой. Идёт сражение большого масштаба, борьба за узловой город.

Может быть, приказ означает: «Немедленно переходите в атаку на превосходящие силы противника»?

Тогда командиров бросить вперёд. Коммунистов и комсомольцев тоже вперёд. Собрать всю волю в кулак и наступать.

Комбат отдаёт последнее распоряжение...

Вдруг связь опять заработала. Оказывается, что приказ гласит:

«Немедленно выходите из боя. Перейти вброд реку и занять высоту 165».

Красноармеец-связист опять хочет пить. Он забегает в крайнюю хату.

Он видит развал, погром.

Он видит паучий крест на стене.

Он плюёт на него.

Зачёркивает углем. И быстро чертит свою красноармейскую звезду.

Батальон собирается у брода.

На берегу, на полотнищах палаток, лежат ожидающие переправы раненые. Вот один из них открывает глаза. Он смотрит, прислушивается к нарастающему гулу и спрашивает:

— Товарищи, а вы меня перенесёте?

— Милый друг, это, спасая тебя, бьют до последней минуты, прижимая врага к земле, полуоглохшие миномётчики.

— Слышишь? Это, обеспечивая тебе переправу, за девять километров открыли свой могучий заградительный огонь батареи из полка резервов главного командования. Мы перейдём реку спокойно. Хочешь закурить? Нет! Тогда закрой глаза и пока молчи. Ты будешь здоров, и ты ещё увидишь гибель врага, славу своего народа и свою славу.

Действующая армия,
1941 г.

Арк. Гайдар

ОГЛАВЛЕНИЕ

СКАЗКА

БЫЛЬ

Дорогие ребята!

Напишите нам, понравилась ли книга. Как понимаете вы завет Гайдара?

Чем понравилась вам сказка? Что нового вы узнали о его жизни?

Ждём ваших писем.

Наш адрес: 191187, Ленинград, набережная Кутузова, д. 6. Дом детской книги.

Не забудьте указать в письме ваш возраст и точный домашний адрес.

Аркадий Гайдар. ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ.

Отаетстаенный редактор О. Т. Ковалевская. Художественный редактор В. П. Дроздоа
Технический редактор Т. Д. Рвткеаич. Корректоры Л. А. Ни н Л. А. Бочкарёва.
ИБ 5914

Сдано в набор 29.03.82. Подписано к печати 27.04.82. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 14,46. Уч.-изд. л. 2,75. Тираж 2 000 000 экз. Зак. № 327. Цена 10 коп. Ленинградское отделенне ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государстаенного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Гайдар А. П.

Г 14 Горячий камень: Сказка и быль/Рис. Л. Селизарова.—Л.: Дет. лит., 1982.—47 с., ил. (Читаем сами.)

10 коп.

Известная сказка Гайдара о смысле жизни, о том, что такое подлинная красота и счастье. Отрывки из произведений Гайдара, рассказывающие о его жизни

Р 2

10 коп.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

Дорогие ребята!
В 1982 году издательство «Детская литература»
выпускает для вас
в серии «Читаем сами» книги рассказов:

Гайдара А.
«ПОХОД»

Германа Ю.
«РАССКАЗЫ О ДЗЕРЖИНСКОМ»

Голявкина В.
«ТЕТРАДКИ ПОД ДОЖДЕМ»

Снегирева Г.
«ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА»